

Едвабне, 10 июля 1941 года: дискуссия о событиях страшного дня

Одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и одновременно моральным долгом, другие убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа

Мачей Яновский.....

10 июля 1941 года в местечке Едвабне, лежащем в ста с небольшим километрах к северо-востоку от Варшавы, произошло массовое убийство еврейского населения городка. Большинство живших там евреев были заживо сожжены в сарае. Польское Едвабне (до 1939 года и вновь после 1945-го) в сентябре 1939 года оказалось в составе Советского Союза в результате двустороннего немецко-советского вторжения в Польшу, основанием для которого послужили документы пакта Молотова–Риббентропа. 23 июня 1941 года, на следующий день после нападения Германии на СССР, Едвабне было занято фашистскими войсками. Убийство в Едвабне было предано забвению и, казалось, растворилось в море злодеяний, совершенных в ходе Второй мировой войны. Дело вновь стало предметом обсуждения благодаря польскому историку, живущему в США, профессору Принстонского университета Яну Томашу Гроссу, который в 2000 году опубликовал небольшую книгу под названием «Соседи»¹. Обсуждение польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны, отправным пунктом которого стала эта публикация, оценивалось некоторыми ее участниками как наиболее значительная

историческая дискуссия в послевоенной Польше. Так ли это на самом деле, утверждать сложно, но, несомненно, после 1989 года из всех дискуссий на тему польской истории эта вызвала самые бурные эмоции как среди ее непосредственных участников, так и более широкой аудитории.

Гросс давно занимается проблемой положения поляков во время советской оккупации в период между 17 сентября 1939-го и 22 июня 1941 года. Среди прочего он опубликовал сборник воспоминаний польских детей, высланных после 17 сентября 1939 года в СССР «В сороковом нас, мама, в Сибирь сослали» (*W czterdziestym nas Matko na Sibir zeslali*) (1984), а также книгу «Убийственная декада. Три эссе о стереотипах евреев, поляков, немцев и коммунистов» (*Upiorna dekada. Trzy eseje o stereotypach na temat Żydów, Polaków, Niemców i komunistów*) (1998). Написанные живым языком в стиле эссе – автор предлагает не только факты, но и интерпретацию явлений, а также поднимает важные проблемы новейшей истории Польши – работы Гросса всегда привлекали читательский интерес и провоцировали дискуссии. Но публикация «Соседей» вызвала настоящую бурю. Ведь евреев из Едвабне, писал Гросс, убили не немцы, а их польские

соседи. Убийцами были не какие-то там негодяи и подонки, а «самые обычные люди». Здесь Гросс отсылает нас к названию известной книги Кристофера Браунинга о немецких жандармах, участвовавших в убийствах евреев (*Ordinary men* — «Обычные люди»).

Книга Гросса невелика по объему, она основана на показаниях, данных в ходе послевоенных уголовных процессов по делу Едвабне, на воспоминаниях нескольких выживших евреев, прежде всего Шмуля Васерштайна, а также на нескольких интервью с тогда еще живыми свидетелями событий. Очень хорошо написанная, не скрывающая эмоциональной позиции автора, она, в частности, благодаря своей художественной форме, имела все шансы пробиться к читателю, который не стал бы читать объемную специальную монографию.

Проблема польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны неоднократно поднималась и до книги Гросса. При коммунистическом режиме такая дискуссия не могла вестись открыто: коммунистическая пропаганда в определенные моменты (1968 год) действительно провозглашала антисемитские лозунги, но в целом в ней доминировал не столько открытый или завуалированный антисемитизм, сколько стремление маргинализировать и предать забвению всю непростую польско-еврейскую проблематику. Заметное ослабление цензуры во времена так называемой «первой Солидарности» (сентябрь 1980 года — декабрь 1981 года) высвободило целый пласт тем, о которых не принято было говорить, в том числе и еврейскую проблематику, которая, однако, не заняла центрального места в исторических дискуссиях того времени. Следует отметить эссе известного публициста, приверженца демократического социализма Яна Юзефа Липского «Две родины — два патриотизма» (*Dwie ojczyzny — dwa patriotyzmy*). В этом эссе ксенофобский шовинизм был

противопоставлен критическому патриотизму, однако еврейский вопрос поднимался лишь вскользь. В целом 1980-е годы ознаменовались оживлением интереса к еврейской проблематике. Живой отклик вызвало появление в 1987 году на страницах еженедельника «Тыгодник Повшехны»² (№ 2 за 1987 год) статьи Яна Блоньского, известного критика и литературоведа, озаглавленной «Бедные поляки смотрят на гетто». Эта статья, отсылающая нас к известному стихотворению Чеслава Милоша «Бедный христианин смотрит на гетто», поднимала проблему пассивного отношения поляков к уничтожению евреев в ходе Второй мировой войны.

В середине 1990-х в «Газете Выборчей» (*Gazeta Wyborcza*) была опубликована статья Михала Чихого «Поляки — евреи: Черные страницы восстания»³, посвященная убийствам евреев, совершенным в ходе Варшавского восстания 1944 года. Она также дала толчок оживленной дискуссии. Наконец, широкий резонанс вызвал опубликованный в еженедельнике «Тыгодник Повшехны» в 1997 году (№ 46 за 1997 год) текст иезуита отца Станислава Мусяля «Черное — это черное» (*Czarne jest czarne*), с болью писавшего о том, что в польском Костеле широко распространен антисемитизм. Однако ни одна из упомянутых дискуссий по накалу не могла сравниться с той, которая является предметом нашего анализа.

Тучи начали собираться еще до того, как Гросс опубликовал свою книгу. За несколько месяцев до публикации вышел в свет сборник статей, озаглавленный «Европа непровинциальная. Трансформации на восточных землях бывшей Речи Посполитой»⁴, который был издан в честь 70-летия со дня рождения известного исследователя польского подполья в период Второй мировой войны, профессора Томаша Стжембоша. В этом сборнике Гросс опубликовал статью под названием «Лето 1941 года в Едвабне» (*Lato 1941 w Jedwabnem*), в кото-

рой изложил основные тезисы своей будущей книги. Режиссер Агнешка Арнольд сняла на эту тему документальный фильм, а журналист Анджей Качиньский опубликовал несколько статей на тему Едвабне. Это было еще до шумихи, вызванной книгой Гросса, и жители Едвабне говорили с Качиньским довольно откровенно: «После того, что здесь творилось во время советской оккупации, трудно удивляться взрыву гнева поляков, направленного против евреев», — сказал мне один из жителей Едвабне»⁵. Качиньский говорил позже: «Правда о преступлении сохранилась в местной устной традиции. Парадоксально, что пока обстоятельства убийства евреев в Едвабне не были достоянием общественности, <...> местечко знало и передавало из уст в уста правду, а когда о ней заговорили все, то многие [жители Едвабне] стали ее отрицать»⁶.

В такой обстановке в конце мая 2000 года в книжных магазинах появилась книга Яна Томаша Гросса⁷.

Дискуссия вокруг «Соседей» Яна Томаша Гросса

Книга вызвала дискуссию⁸, в которой счет публицистическим откликам идет, наверное, на тысячи. В ее продолжение были написаны несколько книг, важнейшими из которых являются: двухтомник «Вокруг Едвабне» (*Wokół Jedwabnego*) (2002) под редакцией Павла Махцевича и Кшиштофа Персака, опубликованный Институтом национальной памяти, а также книга журналистки «Газеты Выборчей» Анны Биконт, озаглавленная «Мы из Едвабне» (*My z Jedwabnego*) (2004). К обеим названным работам мы будем обращаться неоднократно; они относятся к базовым источникам для всех, кто интересуется проблемой Едвабне.

Если говорить о ключевых научных проблемах, то дискуссия вокруг «Соседей» концентрировалась на следующих вопросах:

- предыстория (до 1939 года и в период 1939—1941 годов) польско-еврейских отно-

шений на этих землях и их значение для дела Едвабне, в том числе особое отношение евреев к советской оккупации;

- участие немцев в событиях 10 июля 1941 года;
- количество убитых;
- количество исполнителей (составляли ли поляки большинство или только определенную часть?);
- их социальное положение (элиты местечка или отбросы?).

Внимание участников дискуссии привлекли также две методологические проблемы: возможность понимания произошедшего на основе контекстуализации и провозглашенный Гроссом новый подход к источникам.

Все названные проблемы эмоционально окрашены, но в целях адекватного анализа постараемся представить лишь содержательную их часть, к эмоциям же обратимся позднее.

Начнем с проблемы генезиса преступления. Она составляет единое целое с другой упомянутой проблемой: возможности понимания произошедшего. Как нам кажется, Гросс в принципе отвергает саму возможность контекстуализации событий в Едвабне. Преступление такого рода не поддается, в его глазах, каким бы то ни было попыткам понимания. «Существуют ли какие-то параметры <...>, которые могли бы сделать совершенное поляками убийство евреев в Едвабне «понятым»? Можем ли мы себе вообразить какую-либо последовательность событий, приведших к убийству в Едвабне, которая бы позволила нам в итоге сказать что-то типа «Ага, понимаю» <...>?»⁹.

Среди всех участников дискуссии, высказавшихся по данному вопросу, наиболее глубоко представил проблему социолог Антоний Сулек в своей обстоятельной и вдумчивой рецензии на книгу Гросса¹⁰. Сулек писал, что, разумеется, всегда останется определенной недосказанность, определен-

ное место для эмоций и непонимания — но мы все-таки должны стремиться понять, и до определенной степени это возможно. Он высказался в поддержку «социологии понимания» (*verstehende Soziologie*) как методологического подхода, позволяющего приблизиться к непростой истине. Гросса переубедить не удалось: любая контекстуализация, утверждал он, не учитывает того, что аналогичные факторы действовали на всей территории, занятой в 1939 году СССР, а погромы достигли такого размаха только в Едвабне и соседних местечках, Радзилуве и

с немцами. В такой ситуации местные поляки, находившиеся в конфронтации с украинцами и литовцами, не присоединялись массово к антисемитским выступлениям, опасаясь доминирования украинских и литовских националистов. В Едвабне и окрестностях не было других национализмов, кроме польского, а следовательно, не было и препятствий для выражения поляками антисемитских взглядов.

Что касается генезиса преступления, то наиболее неоднозначной проблемой оказалось то, что Томаш Стжембош обозначил в

“В глазах Гросса преступление такого рода, как массовое убийство евреев в Едвабне, не поддается каким бы то ни было попыткам понимания”.

Вонсоше. До тех пор, пока не будет установлена специфика Едвабне, то, «что отличает Едвабне от других мест во время советской оккупации»¹¹, попытки контекстуализации не дадут результата. Следует отметить, что еще до публикации процитированного выше текста Гросса Дариуш Столя (в серьезной статье, о которой речь пойдет ниже) попытался ответить на поставленный вопрос. По его мнению, регион вокруг Едвабне отличался от других тем, что это были единственные этнически собственно польские (или, скорее, польско-еврейские) земли, которые после 17 сентября 1939 года оказались в зоне советской оккупации. По мнению Столи, на территориях с украинским или литовским большинством после вступления немцев довольно быстро проявлялся радикальный антисемитизм украинцев или литовцев. Происходило так не потому, что украинский или литовский антисемитизм в принципе сильнее польского, а потому, что украинские и литовские политики рассматривали — в отличие от польских — пространство политической активности как поле взаимодействия

заглавии одной из своих статей как «замалчиваемый коллаборационизм»: вопрос о степени и характере сотрудничества евреев с советскими оккупантами после 17 сентября. Эта проблема рассматривается с различных точек зрения; при чтении некоторых текстов у читателя возникает впечатление, что в глазах авторов коллаборационизм евреев каким-то образом оправдывает убийц или, по крайней мере, уменьшает их вину. Но и авторы, близкие по своим взглядам к Гроссу, такие как Антоний Сулек или Анджей Жбиковский, также подчеркивают значение этой проблематики. Оба исследователя считают, что действовал механизм, в котором относительно незначительное меньшинство еврейской общины, сотрудничавшее с советской властью, было относительно наиболее заметным и отложилось в памяти поляков, упрочив существовавший и до того стереотип «жидокоммуны». Жбиковский и ряд других авторов подчеркивают также, что репрессии советской системы не опирались на этнические или конфессиональные критерии, а евреи были (хоть и в ограниченной

степени) допущены к административным функциям, что само по себе для многих поляков было поводом для раздражения и негодования. Как определил это Ян Я. Милевский, «польское общество будоражила совершенно невообразимая смена социальных ролей»¹². Авторы, занимающиеся данной проблемой, обращают внимание на необходимость различения видов сотрудничества с оккупационными властями, а также степеней добровольности этого сотрудничества. В то же время относительно немного внимания было уде-

ностями накануне Второй мировой войны. Большинство исследователей этого вопроса подчеркивали рост антисемитизма в ломжинском регионе и усиление позиций Народной демократии (сокращенно НД, то есть «эндеков»), националистического объединения, бывшего в оппозиции к сторонникам маршала Пилсудского, находившимся у власти после 1926 года. Евреи, естественно, не могли поддерживать «эндеков», провозглашавших антисемитские лозунги, и в большинстве своем так или иначе поддерживали

“Большинство историков признали, что в основном преступление было совершено поляками, но в результате подстрекательства или по принуждению немцев”.

лено тому, применимо ли само понятие «кол-лаборационизм» к поведению национальных меньшинств II Речи Посполитой, которые не считали польское государство своим, и в этом смысле трудно обвинять их в измене. В этом ключе высказывались на страницах газеты «Речпосполита» (*Rzeczpospolita*) историк Марчин Куля и немецкий историк и обозреватель немецкой прессы Клаус Бахман¹³.

Немного отступая от основной дискуссии, в одном из своих многочисленных высказываний Томаш Стжембош обратил внимание еще на один аспект преступления: жестокость в польской деревне. «Жестокость, которую можно наблюдать у детей, мучающих кота, жестокость по отношению к собакам в деревне <...>, жестокость в отношении стариков», ослабевших родителей, «людей с ограниченными физическими и умственными возможностями»¹⁴. В контексте этой всеобъемлющей жестокости рассматривал Стжембош и жестокость в отношении евреев. Насколько нам известно, этот сюжет не получил своего развития в последующей дискуссии.

Важным аспектом обсуждения оказалась также ситуация в Едвабне и окрест-

Пилсудского и его последователей. Однако таким образом они еще больше отдалялись от большинства нееврейского населения региона. Подчеркивалось также, что НД при поддержке католического Костела устраивала в 1930-е годы антиеврейские акции типа бойкота еврейских магазинов. Неоднократно доходило до антиеврейских выступлений. Этот конфликт резко обострился после начала Второй мировой войны.

Еще одна проблема касается роли немцев в данном преступлении. Многие участники дискуссии неточно представляли позицию Яна Томаша Гросса; из их изложения следовало, что он считал роль немцев минимальной, те якобы лишь занимались фото- и киносъемкой. В то же время Гросс пишет довольно ясно: «Хозяевами положения в Едвабне были, разумеется, немцы. И только они могли принять решение об убийстве евреев. <...> Если бы Едвабне не было занято немцами, иными словами — если бы не было вторжения Гитлера в Польшу, то евреи из Едвабне не были бы перебиты своими соседями <...> Трагедия евреев из Едвабне — это лишь эпизод в битве не на жизнь, а на смерть,

которую Гитлер вел с мировым еврейством. <...> Но *непосредственное* (курсив мой. — М. Я.) участие немцев 10 июля 1941 года ограничилось прежде всего фото- и <...> киносъемкой происходившего»¹⁵.

Крайняя точка зрения сводится к убеждению, что в целом все преступление было совершено руками немцев при возможном эпизодическом участии поляков. В основном так рассуждали крайне правые публицисты, из историков к этой позиции приближался в некоторых своих высказываниях Томаш Стжембош. Однако в большинстве своем историки, пишущие об этом деле, признали, что в основном преступление было физически совершено поляками, но в результате подстрекательства или даже по принуждению немцев. Анджей Жбиковский детально проанализировал преступления, подобные событиям в Едвабне, совершенные в других окрестных местечках, как, например, Радзилув или Вонсош¹⁶. Многие исследователи (Жбиковский, Томаш Стжембош, Томаш Шарота¹⁷, Дариуш Столя, а за ним и Марек Вежбицкий) обращали внимание на повторяющийся характер погромов. Особое значение имеет здесь исследование Столи, показавшего высокий уровень организованности погрома, далеко выходящий за рамки того, чего можно было бы ожидать от спонтанной инициативы жителей. Столя исходит из тезиса, что убийство в Едвабне не является классическим погромом: в изученных историками погромах на Украине в 1918–1919 годах выжило около 80 проц. евреев. После «обыкновенного» погрома остается определенное число убитых и еще больше раненых, а сам погром постепенно превращается в грабежи и пьянство. Идея убийства всех евреев находится за рамками воображения участников «обычного» погрома. Эту идею должны были внушить полякам немцы, вероятно, во время встречи в ратуше накануне трагедии — встречи, названной Гроссом «совещанием»,

хотя на самом деле — пишет Столя — это был скорее инструктаж. Городские власти, созданные спонтанно или поставленные самими немцами после бегства большевиков, не были для них серьезным партнером и могли лишь принять к сведению немецкие распоряжения. Более того, ход трагедии демонстрирует высокий уровень внутренней организации исполнителей, невозможный при абсолютно спонтанном погроме. Существовал определенный «порядок убийства», от «исполнителей-добровольцев» до обычного «построения на рынке», включая целый ряд промежуточных поведенческих стратегий.

Гросс, по мнению Столи, в своих работах удачно показывает роль низового поведения масс в тоталитарной системе, указывая, что не все объясняется действиями государства. Но в данном случае «Гросс пошел слишком далеко в “разгосударствлении” излагаемых событий». Столя пишет: «В событиях 10 июля наблюдается <...> определенный порядок <...>. Этот порядок исходит от государства, можно даже сказать, этот порядок и есть государство. В событиях 10 июля проявляется особое государство, почти гротескное — небольшое локальное мини-государство Едвабне, существующее по прихоти оккупанта и (совместно) управляемое его местными ставленниками. В нем нельзя видеть лишь форму социальной самоорганизации, создание гражданского общества. <...> Это мини-государство <...> обладает <...> главным атрибутом государства: располагает средствами принуждения и определяет, кто и на каких основаниях может применять насилие. На этом основании для 10 июля оно допускает применение насилия каждым и без ограничений, при условии, что это насилие будет направлено против евреев и только против евреев». Столя отмечает, что в источниках нет упоминаний ни об одном «конкретном убийстве, совершенном в тот день немцами», и замечает поразительный факт: «В описа-

ниях произошедшего отсутствуют <...> звуки выстрелов. В воспоминаниях поражает та тишина, на фоне которой люди, работавшие в поле за городом, слышали голоса жертв. <...> А ведь, по крайней мере, несколько десятков человек были убиты не в сарае. Эта тишина указывает на то, что убивали их без применения огнестрельного оружия», в отличие от того, как это обычно делали немцы¹⁸.

Текст Столи во всей дискуссии является одной из наиболее вдумчивых попыток детального анализа и интерпретации хода событий 10 июля 1941 года. Идя по его стопам, Томаш Шарота, Эдвард Димитров и Анджей Жбиковский¹⁹ обстоятельно анализируют установки и решения высшего руководства Германии по еврейскому вопросу, уделяя особое внимание распоряжениям шефа РСХА — Главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха, датированным июнем—июлем 1941 года, в которых идет речь о подстрекательстве местного населения к расправе над евреями.

Одним из центральных пунктов полемики явился выдвинутый Гроссом постулат «аффирмативного подхода к источникам». Речь идет, в общих чертах, о том, чтобы исследовать «эпоху газовых камер», заранее предполагая достоверность свидетельств «несостоявшихся жертв Холокоста», отвергая их лишь в том случае, если будут найдены весомые аргументы, указывающие на их недостоверность, иными словами, тяжесть доказательства ложится на тех, кто хочет отвергнуть воспоминания уцелевших. Гросс приводит два аргумента: во-первых, он апеллирует к прагматизму, утверждая, что возможность совершения ошибки при таком подходе к источникам меньше, чем при обратной трактовке. Второй аргумент сложнее: то, что мы узнаем из воспоминаний — «благодаря самому факту рассказа, — не является репрезентативным для исследования судеб евреев», поскольку сам этот рассказ исходит

от тех, кто выжил, и даже если они составляли свои записи во время войны и не дожили до ее конца, то до времени их написания «им удалось счастливо избежать смерти. О самом дне, о последнем предательстве, жертвой которого они пали, о крестном пути девяноста процентов довоенного польского еврейства нам не известно ничего. И поэтому мы должны дословно трактовать обрывки информации, которыми располагаем», ибо «истина о трагедии еврейства может быть только еще более ужасной, чем наше о ней представление, составленное на основе воспоминаний тех, кто выжил»²⁰. Независимо от того, разделяем ли мы такую позицию, по нашему мнению, как таковая она является серьезной заявкой на дискуссию. В то же время оппоненты Гросса, как правило, доводят ее до абсурда, считая, что, согласно Гроссу, «мы должны априори считать, что по своему содержанию воспоминания тех, кто выжил после Холокоста, достоверны»²¹. Мне не кажется, что какие-то из формулировок Гросса дают основания для подобной интерпретации его взглядов.

Почти столь же важной темой, как присутствие немцев или их отсутствие, является характеристика участия польского населения. Были ли это лишь отдельные его представители («отбросы») или солидные люди, ничем не отличающиеся от остальных жителей городка? Была ли это небольшая группа или значительная часть, или, возможно, большинство польской части жителей Едвабне? Сомнения, были ли это на самом деле «обычные люди», высказал Антоний Сулек, допустив, что это могли быть «лишние люди на стороне силы» (Сулек цитирует здесь классическую работу Стефана Чарновского, ставшую одним из базовых текстов польской социологии, в которой разбирается роль маргинальных общественных элементов в создании социальной базы гитлеризма). Под влиянием ответов Гросса,

который привел дополнительные данные о семейном положении исполнителей, Сулек отказался от своего предположения. В свою очередь, Дариуш Столя обратил внимание на то, что активные участники убийства в Едвабне, совершенно независимо от их семейного положения и рода занятий, тем не менее не были обычными людьми, такими, как герои книги Браунинга, поскольку отличались от них тем, каким образом они были отбранены из основной популяции. Жандармы, о которых пишет Браунинг, были просто мобилизованы, в то время как активные

конкретное число поляков, которые хватили евреев и тащили их в сарай, остается до сих пор неизвестным.

Аналогично тому, как не удалось прийти к единому мнению относительно количества исполнителей, нет единодушия и по вопросу о количестве жертв. Гросс приводит в «Соседях» число 1 600, взятое из одного источника; именно это число закрепилось в общественном сознании. Сам Гросс, как он говорил позже, не высказал своего мнения относительно этой оценки, а лишь процитировал ее. Оказывается, что как таковое коли-

“Не удалось прийти к единому мнению относительно количества исполнителей; нет единодушия и по вопросу о количестве жертв”.

участники убийства вызвались сами в процессе добровольного отбора, а следовательно, по определению должны были отличаться какими-то психическими свойствами (даже если их положение в обществе было вполне обычным) от остальных жителей. Это были, по словам Столи, скорее «добровольные исполнители», чем «обычные люди»: заглавие книги Даниэля Гольдхагена (*Hitler's willing executioners*) определяет их лучше, чем название книги Браунинга.

Сам Гросс уточнил свой радикальный тезис о польской части жителей местечка, убившей его еврейскую часть. «Каждый, кто в тот день вытаскивал прячущегося еврея из-за куста, указывал скрывшегося за кучей угля, хватал убегающего на поле, бил ногой согнанных в толпу, бросал в идущих на смерть камень, обзывал их, смеялся над ними, плевал в них — участвовал в преступлении против человечности. Такова суть событий в Едвабне»²². Отчетливо видно, что участие в преступлении он понимает в расширительном смысле, включая в это понятие также пассивную поддержку. Тем не менее

чество евреев, постоянно живших в Едвабне в июне 1941 года, неизвестно²³, при этом, разумеется, это количество не идентично количеству евреев, пребывавших в местечке в день трагедии 10 июля 1941-го, поскольку часть постоянных жителей могла уехать, в свою очередь, в Едвабне могли находиться беженцы из других мест. Радослав Игнатьев, прокурор, курировавший по поручению Института национальной памяти следствие по делу убийства в Едвабне, в интервью Анне Биконт детально обосновал свое мнение и заявил, что 10 июля в Едвабне погибли «не более нескольких сотен» человек, а активными исполнителями «были польские жители Едвабне и окрестностей, мужчины в количестве по крайней мере около сорока»²⁴.

Дискуссия по ключевым вопросам не дала однозначных ответов. Можно, однако, предположить, что по ее итогам большинство историков согласилось бы с тем, что книга Гросса носит скорее публицистический, чем сугубо научный характер; в ней легко обнаруживаются неточности, поспешные выводы и методологические просчеты. Скорее всего, в

тот трагический день погибло меньше людей, чем отмечает Гросс; по всей видимости, меньше поляков, чем каждый второй взрослый мужчина, участвовали в преступлении; и вероятнее всего, закулисная роль немцев была сильнее, чем можно было бы предположить после прочтения «Соседей». В то же время большинство историков согласились бы наверняка с самим фактом: как написал Марек Вежбицкий, «не подлежит сомнению <...> участие части польского населения западной части Белостокского воеводства в убийствах и погромах евреев»²⁵. Вежбицкий поддерживает осторожные слова Радослава Игнатьева, которые можно рассматривать как «минимальную оценку» того, что удалось установить (хотя наверняка и его высказывание было бы отвергнуто радикальными оппонентами Гросса): «Наиболее вероятной гипотезой является предположение о совершении преступления в Едвабне местными поляками при подстрекательстве немцев»²⁶.

Эмоциональный и мировоззренческий фактор

Мы сознательно отделили изложенные выше научные аргументы от эмоционального, политического и временного контекста, в котором они формулировались. Нам важно было показать, что дискуссия о Едвабне имеет также существенное научное содержание. Однако, учитывая тему полемики, очевидно, что все высказывания исследователей неизбежно сопровождалось эмоциями, которые для общего смысла этих высказываний нередко оказывались более важными, чем собственно научное содержание. Такая эмоциональность, соединенная с различиями в мировоззрении, заметна у обеих полемизирующих сторон, но при этом у каждой из них она носит особый характер. У самого Яна Томаша Гросса она выступает главным образом в форме апеллирования к морали: к сочувствию читателей, их возмущению, эмпатии;

«ибо важнее было не побудить к априорному восприятию каждого слова, написанного в “Соседях”, как истины в последней инстанции, а пробудить сочувствие при мысли о жертвах преступления в Едвабне»²⁷. У Анны Биконт заметны подобные эмоции, но с ними сопряжена горечь, вызванная тем, что значительная часть польского общества не хочет признавать участия поляков в преступлении в Едвабне. Этих эмоций никто не скрывает; Гросс, Биконт, другие авторы, близкие им по способу мышления, не делают вид, что намерены создавать исключительно научные тексты. Разумеется, они не отказываются от фактографического обоснования своих выводов и ссылок на источники, но при этом придерживаются той точки зрения, что эмоции в этом трагическом случае как нельзя более уместны; что именно они позволяют читателю лучше воспринять и постичь проблему Едвабне.

Иную роль играют эмоциональный и мировоззренческий факторы у оппонентов Гросса. Их тексты, как правило, апеллируют к идеалу объективного историка, который исследует документы и на их основании приходит к пониманию прошлого. «Задача исследователя состоит не в “позиции аффирмации”, а в профессиональном скептицизме и тщательном анализе любых данных. Применение методологических постулатов Гросса приводит к тому, что в научный дискурс проникают без должной верификации личные предубеждения и антипатии свидетелей», — писал Богдан Мусял²⁸. «Историк обязан исследовать как можно больше документов, чтобы ответить на вопросы: кто? кто? где? почему? <...> В задачи историка входит разграничение правды и вымысла»²⁹, — утверждал Марек Ян Ходакевич. В то же время в самих этих текстах мы находим нередко довольно яркие, эмоционально окрашенные оценочные формулировки, будто созданные в совершенно иной поэтике, чем

остальная часть текста. Наблюдается, если так можно сказать, преобладание эмоций над априорными теоретическими декларациями и над излагаемыми фактами. Так, например, Ходакевич, неустанно подчеркивающий необходимость детального исследования, без которого нельзя выносить приговоров, неожиданно пишет о том, что в Польше, где большинство средств массовой информации и большинство интеллигенции придерживаются либеральных взглядов, не нужно особой смелости, чтобы утверждать наличие польского антисемитизма³⁰. Аналогичным

ремесла. Смею утверждать обратное. Автор «Соседей» использовал крайне бедную и тенденциозно подобранную источниковую базу, не подверг ее должной критике, <...> он опускает и извращает то, что не соответствует его постулатам <...>, в научной аргументации не придерживается законов логики и научной объективности и в результате выдает необоснованные метафизическо-идеологические суждения, лишённые научных оснований. Учитывая указанные недостатки, книга Яна Томаша Гросса не может служить основанием для серьезной дискуссии

“Все высказывания исследователей неизбежно сопровождалось **ЭМОЦИЯМИ**, которые нередко оказывались более важными, чем собственно научное содержание”.

образом Петр Гонтарчик, обративший внимание на конкретные неточности в «Соседях», следующим образом излагает основные постулаты книги Гросса: «Поляки — это гитлеровские коллаборанты, которые подписывают соглашение с немцами в деле убийства евреев. Немцы хотят кого-то там спасти, но поляки на это не соглашаются и жестоко убивают почти всех евреев — своих соседей. <...> Единственным местом, которое гарантировало евреям относительную безопасность перед лицом кровожадной польской орды, был пост гитлеровской жандармерии. В целом трудно удивляться преступной натуре поляков, ведь их духовными наставниками были служители католического костела. Гросс упоминает только двоих, и оба предстают обычными преступниками...»

После этого пассажа следует научный вывод: «Проблема состоит не в том, нравится кому-то такой образ прошлого или нет, а в том, насколько такой образ соответствует действительности, а следовательно — переходя на язык науки, — был ли он создан в соответствии с требованиями исторического

на тему нашей истории. Особенно преступления в Едвабне»³¹.

Не подлежит сомнению скорее то, что представленная выше общая картина, которая, по словам Гонтарчика, вырисовывается в «Соседях», является — мягко говоря — результатом крайне недоброжелательного чтения книги, чтения, нацеленного скорее на выискивание промахов, чем на понимание идеи и хода аргументации читаемой работы. У многих авторов обнаруживаются признаки аналогичной стратегии чтения, согласно которой любой фрагмент книги Гросса преподносится так, чтобы он звучал по возможности лишенным смысла, что облегчает его сокрушительную критику.

Несомненно, тексты Мусяла, Гонтарчика, Ходакевича и других оппонентов Гросса, поднимающих проблемы методологии, во многих случаях действительно помогают исправить ошибки автора «Соседей», привлекают внимание к противоречиям в источниках и тем самым способствуют углублению наших познаний на тему преступления в Едвабне. Однако здесь не нужны

особенно глубокие герменевтические исследования, чтобы заметить идеологическую ангажированность их авторов, вступающую в противоречие с приверженностью объективистской модели чистой науки, которую они декларируют. (В скобках заметим, что они придерживаются крайне редуцированной версии этой модели, сводя профессию историка до своеобразного «ремесла»: мало кто разделял такой взгляд на историю даже во времена господства позитивизма в XIX веке, а начиная с антипозитивистского переворота

действительно имело место!»³². Стжембош в течение многих лет собирал материалы для своей книги о польской антисоветской конспирации в 1939–1941 годах в окрестностях Едвабне, и можно понять (хотя и не обязательно принять) его реакцию на книгу Гросса, воспринятую им как несправедливое обвинение в адрес его героев.

В рассмотренных выше текстах эмоциональная позиция авторов не перечеркивала их научной аргументации. Однако существует особая группа текстов, в которых радикаль-

“Принципиальной является проблема того, как мы — польские интеллигенты должны воспринимать преступление, совершенное в Едвабне полвека назад”.

1890-х годов, данная модель повсеместно поддается сомнению.)

В отличие от процитированных выше исследователей, Томаш Стжембош открыто подчеркивает роль эмоционального фактора в своем подходе к интересующей нас проблеме. «Этим делом, — сказал он в одном из интервью, — я занялся исключительно потому, что чувствовал себя обязанным по отношению к жителям Едвабне и окрестностей. Именно потому, что именно эти люди в эпоху коммунизма, когда я занимался советской оккупацией северо-восточных земель Польши, проявили огромную смелость и доброжелательность. Они принимали меня в своих домах и говорили о вещах и событиях, за разглашение которых им грозили страшные репрессии. Я не мог промолчать... <...> Как же я мог отвернуться от этих людей! Я ходил, разговаривал с ними, расспрашивал. А теперь я должен был сказать, что мне на них наплевать? Я решил установить, как все было на самом деле, поскольку я был готов и сейчас готов принять [правду о] любом зле, которое имело место и было совершено руками поляков, при одном условии, что оно

ное неприятие постулатов Гросса выразилось в крайне эмоциональной агрессии; это тексты, в которых любая информативность играет подчиненную роль, а главное — это агрессивная экспрессия. Их «аргументация» (если уж мы делаем авторам честь, употребляя это слово) утомительно однообразна. Они подчеркивают, что книга Гросса, а также высказывания его сторонников являются результатом международного заговора, в основе которого лежит еврейская «полонифобия», а также желание требовать с Польши как можно больше денег в качестве компенсации за имущество, принадлежавшее евреям. Работы, поддерживающие позицию Гросса, определяются как «польско-язычные» (не «истинно» польские, а лишь использующие польский язык). Полемика в целом рассматривается в контексте столкновения «польской» и «еврейской» или «космополитической» (что по сути одно и то же) точек зрения. Помимо польских историков, полемизирующих с Гроссом, в качестве авторитета приводится также автор книги «Индустрия Холокоста» Норман Финкельштейн³³ — его взгляды сопровожда-

ются комментариями типа «даже сами евреи утверждают, что...». Что особенно существенно, Польша и польскость, как это принято при таком ходе рассуждений, предстают как объект массивной атаки, направленной одновременно против Польши и против католического Костела, которые при такой оптике едва ли не отождествляются. Авторы некоторых текстов пишут о космополитизме и либерализме как о своих врагах; многие, однако, обращаются к классической анти-семитской аргументации, которая в принципе не слишком отличается от той, которая была создана европейскими правыми во второй половине XIX века. В целом можно констатировать, что большинство текстов на тему Едвабне, доступных в Интернете, представляют именно эту крайне правую позицию. Как это обычно бывает в публичном пространстве, границы стираются: иногда трудно определить, является ли данный текст «еще» рациональной полемикой с тезисами Яна Томаша Гросса или «уже» идейной декларацией крайне правых позиций. Наиболее ярким представителем рассматриваемого здесь направления, работы которого не оставляют никаких сомнений относительно их идейной принадлежности, является Ежи Роберт Новак, публикующийся в основном в националистическо-католическом еженедельнике «Наш дженник» (*Nasz Dziennik*), близком к «Радио Мария»³⁴. Мы не видим оснований для более подробного анализа подобных высказываний.

«Как нам с этим справиться»

Моральная проблематика, связанная с обсуждением преступления в Едвабне, затрагивает один принципиальный вопрос и несколько второстепенных. Принципиальной является проблема того, как мы — поляки, или, скорее, мы — польские интеллигенты, должны реагировать на известие об этом преступлении полувековой давности, или, говоря словами

Ежи Едлицкого, «как нам с этим справиться»³⁵. Ответ тех авторов, которые стараются рассматривать проблему Едвабне, прежде всего, с моральной точки зрения, выливался в различные формы и может быть обобщен таким образом: принять к сведению, не пытаться отрицать и жить дальше с сознанием того, что у твоего собственного народа, как и у других, есть в истории страницы хорошие и плохие, прекрасные и отвратительные.

Рассматривая отношение различных авторов к моральному аспекту проблемы Едвабне, рискнем высказать мнение, что принципиальные разногласия во всей полемике, рассматриваемой в нашем обзоре, касаются не только и не столько фактов или критериев их значимости. Одной из заметных реакций на выход книги Гросса стала беседа известного журналиста Яцека Жаковского с Томашем Шаротой на страницах «Газеты Выборчей». Шарота в принципе не отрицал картины событий, обрисованной Гроссом, говоря о необходимости принять тот факт, что мы имеем дело с убийством, частью Холокоста, причем в данном случае виновниками являются поляки. В то же время он подчеркивал, что книга Гросса недостоверна в деталях, что потребуются новые конкретные исследования. «Для того, чтобы пробудить угрызения совести, достаточно того, что написал Гросс в “Соседях”. Однако для понимания всей этой ситуации необходимо знать детали. Каждый историк знает, что дьявол часто кроется в деталях»³⁶. Ежи Едлицкий в ходе дискуссии по книге Гросса в Институте истории ПАН полемически отнесся к этой беседе, заявив: «Дьявол в Едвабне и Радзилуве не в деталях, а в принципе»³⁷. Представляется, что для Едлицкого, Ханны Сьвиды-Зембы³⁸ и многих других (вероятно, и для самого Гросса) в конечном счете не важно, сколько было убито евреев — 1 600, половина или треть этого числа, было ли в тот трагический день в Едвабне около двадцати или несколько

десятков немцев, а среди нееврейского населения половина взрослых мужчин или только каждый пятый или каждый шестой вытаскивали евреев из домов, грабили их, тащили к месту казни и, наконец, принимали участие в убийстве. Существенной является моральная проблема, которая не зависит от цифр. Чрезмерная концентрация на специальных технических вопросах грозит отодвинуть на задний план по-настоящему важные проблемы. Едлицкий писал: «Можно, разумеется, и дальше делать вид, что ничего не произошло. Можно писать, что слишком рано, что в воспоминаниях не установлено место, что не посчитано точно, сколько было убийц и убитых. Что нужно еще изучить те или другие архивы. Изучать всегда нужно, надо было сделать это много лет назад, но это ничего не меняет. Правда не станет приятнее, чем есть, и рано или поздно придется с ней справиться»³⁹. Насколько нам известно, на этот вопрос критики и оппоненты Гросса не дали ответа, не пояснили, каким образом эти уточнения фактографии могут повлиять на этическую оценку дела Едвабне.

Крайне трудно обнаружить открытую полемику с авторами, поднимающими моральные проблемы в контексте преступления в Едвабне. Противники Гросса, апеллирующие к методологическим проблемам, нередко представляют «моралистов» как маргинальную группу, симметричную радикальным правым. «Во-первых, они отрицают. <...> Во-вторых, они морализуют. <...> Они так же иррациональны, как и их партнеры справа»⁴⁰, — писал в своей английской работе Марек Ян Ходакевич. Подобным образом рассуждает и Богдан Мусял: «Одни отрицают обвинения как безосновательные <...>. Другие горячо поддерживают постулаты Гросса, выдвигая крайне эмоциональные обвинения, рассуждая в философско-морализаторском ключе <...>. Призывают посыпать голову пеплом». Исследователей,

рассуждающих так, как он сам, Мусял видит в центре: «Существует и разумная позиция, говорящая о необходимости дискуссии на эту тему». Трудно объяснить, почему «разум» должен исключать рефлексию над этическим измерением исторических событий. В определенной мере ответом могут стать слова, которые Мусял говорит ниже в том же тексте: «Не думаю, что Польше нужно преодоление истории по немецкому образцу. <...> Польше сегодня необходимо вернуть себе память. Историческое сознание послевоенных поколений поляков было в значительной степени извращено коммунистическим государством. Нужны тщательные научные исследования»⁴¹. Мусял, как нам кажется, чуть что не отождествляет критику постулатов Гросса с тщательными научными исследованиями. У читателя не возникает сомнений, что в этом и подобных текстах мы сталкиваемся, вопреки декларируемому позитивистскому минимализму, с оценочной позицией той же силы, что и в случае с Гроссом и его сторонниками, только с обратным знаком. Сама попытка «моральной оценки» дела Едвабне получает критическую оценку не только — как считают оппоненты Гросса — в силу отсутствия фактов, которые требовали бы некоего «покаянного» поведения, но и по причине нежелания любых попыток рефлексии над недостойными страницами истории Польши. Такие попытки воспринимаются противниками Гросса как поверхностные и неискренние, не получившие научного обоснования, и при этом наносящие вред собственному народу. Можно полагать, что с их точки зрения собственно нет и повода для рефлексии: дело Едвабне не имеет морального измерения, преступление, совершенное при подстрекательстве и соучастии немцев небольшой маргинальной группой в каком-то местечке, разумеется, достойно осуждения, но существенно не влияет на общую картину поведения поляков в годы оккупации.

Краковский историк Анджей Новак выразил опасение, что любые призывы возложить ответственность на польский народ за ошибки, допущенные в прошлом, могут привести к ослаблению национальной идентичности — ибо невозможно строить общность на чувстве стыда. Свой текст Новак озаглавил «Вестерплатте или Едвабне», противопоставив друг другу два названия-символа: Вестерплатте, название польского гарнизона в Гданьске, оказавшего героическое сопротивление немцам в первые семь дней Второй мировой войны, является сим-

эпохи. Как таковая данная статья в определенном смысле подготовила почву для дискуссии об этической проблематике Едвабне.

Наряду с этой главной проблемой попутно в ходе полемики о Едвабне возникли также сопутствующие сюжеты морального характера. Речь идет о рефлексии над определением польского народа (и преступники, и жертвы были гражданами Польской Республики, означает ли это, что и первые, и вторые были поляками?), над проблемой коллективного извинения за вину предков, над отношением современных поляков к еврейскому

“Историк Анджей Новак выразил опасение, что призывы возложить ответственность на польский народ могут привести к ослаблению национальной идентичности”.

волом патриотического героизма, Едвабне же — символом преступления и коллаборационизма. Новак, разумеется, высказывается в поддержку Вестерплатте как звена, необходимого для создания социальных связей. Павел Махцевич, историк, связанный в то время с Институтом национальной памяти, ответил Новаку текстом, озаглавленным «И Вестерплатте, и Едвабне», а свои аргументы изложил в вводной статье к двухтомному сборнику на тему дела Едвабне, опубликованному ИНП, заявив, что «если закрыть глаза <...>, то ничего не изменится. <...> Народ, который гордится своей историей, сможет вынести даже самую нелицеприятную правду о собственной истории»⁴². Махцевич отсылает в своем тексте к вышедшей больше десяти лет назад статье Ежи Едлицкого «Наследие и коллективная ответственность», в которой не затрагивался еврейский вопрос, но разбиралась проблема ответственности лиц, осознающих свою принадлежность к социуму (народу, вероисповеданию, классу), за грехи, совершенные другими членами того же сообщества, нередко в отдаленные исторические

прошлому и наследию в Польше и вообще о роли коллективной памяти в общественной жизни. Все эти проблемы мы вынуждены здесь опустить.

Среди сюжетов, которые не получили должного развития, хотя, безусловно, этого заслуживали, была позиция католического духовенства в Едвабне и окрестностях в 1941 году, когда по этому региону прокатилась волна погромов. Эта проблема непосредственно связана с другой, более широкой, — отношением католического Костела в Польше к евреям и к антисемитизму. Детально этим занялся Дариуш Либёнка, опубликовавший важные свидетельства радикальных антисемитских настроений, царивших в среде польского духовенства в целом и в ломжинской епархии в частности в 1930-е годы⁴³. Следует также, пользуясь случаем, упомянуть эмоциональную работу Томаша Шароты, представившего анализ польско-еврейских отношений на основании секретного доклада польского подполья о положении Костела во время оккупации 1941 года. По мысли автора, его работа вносит вклад

в раскрытие правды о мрачных эпизодах в истории польско-еврейских отношений, а следовательно, продолжает дискуссию, начатую в 2000 году книгой Гросса⁴⁴. В рассматриваемом Шаротой документе отношение в гитлеровской Германии к евреям преподносится как идеал христианского поведения (разумеется, речь идет о ситуации до лета 1941-го).

С историей связана также проблема отношения Костела к делу Едвабне сегодня. Эту позицию можно, к сожалению, определить как пассивную и выжидательную, не направ-

27 мая 2001 года состоялось торжественное покаянное богослужение в костеле Всех Святых в Варшаве. Ксёндз Адам Бонецкий, главный редактор еженедельника «Тыгодник Повсехны», писал: «То, что произошло в воскресенье 27 мая 2001 года в крупнейшем из варшавских костелов, недалеко от которого шестьдесят лет назад проходила граница гетто, явилось важным религиозным событием, которое навсегда войдет в историю Польши. <...> Вел богослужение одетый в покаянное фиолетовое облачение примас

“Отношение Костела к делу Едвабне сегодня, к сожалению, пассивное и выжидательное, не направленное на активные действия”.

ленную на активные действия. Глава польского Костела кардинал Юзеф Глемп публично заявил, что факт совершения преступления поляками установлен, и значение этого заявления нельзя недооценивать. Примас выразил мнение, которое совпадает с точкой зрения всех тех, кто считает, что возможные новые уточнения фактов не изменят моральной оценки Едвабне: «С моральной точки зрения не имеет решающего значения <...>, предстанут ли поляки в результате следствия <...> в лучшем или худшем свете. Принципиальное значение имеет то, что в Едвабне нашлись люди, которые участвовали в убийстве своих сограждан». Он особо подчеркнул необходимость искупления перед Господом преступления в Едвабне и окрестностях. Однако в том же интервью кардинал Глемп упомянул также о вине евреев перед поляками, о еврейском коллаборационизме с большевиками, заявив при этом, что в польском Костеле «не наблюдается предубеждения в отношении иудейского вероисповедания и никогда ранее я не замечал такого явления, как антииудаизм. Это история. Но не следует забывать об антиполонизме»⁴⁵.

Польши», участвовали в нем «около пятидесяти» епископов «без митр и литургического облачения, в черных сутанах без красных и фиолетовых поясов». Ксёндз Бонецкий с болью констатировал в то же время, что «Радио Мария» оказалось единственной польской радиостанцией, которая не сообщила в новостях того дня об этом богослужении. Он прокомментировал это так: «Вот глас вопиющего в пустыне...»⁴⁶.

Действительно, ломжинский епископ и приходской священник Едвабне решительно встали на сторону жителей местечка, которые отвергают всяческие обвинения⁴⁷, а «Радио Мария» было и остается, наряду с близким к нему идейно еженедельником «Наш дженник», основным каналом распространения идеи об антипольской интриге и агрессии против народа и католической веры. В официальных мероприятиях в Едвабне 10 июля 2001 года, в 60-ю годовщину трагедии, в которой принял участие президент Александр Квасьневский, не участвовал никто из епископов. Чтобы картина не выглядела слишком однобокой, стоит упомянуть о важной роли двух католических изданий: краковского еже-

недельника «Тыгодник Повсехны» и варшавского журнала «Веньзь» (*Wież*). Оба издания активно включились в дискуссию о Едвабне, публиковали тексты Яна Томаша Гросса и других участников полемики.

Что изменила дискуссия о Едвабне?

В продолжение или в рамках полемики с книгой Гросса в течение нескольких лет появилось много книг, из которых лишь некоторые были рассмотрены в нашем обзоре, среди них особое место занимают многократно упомянутые выше двухтомник «О Едвабне» и книга Анны Биконт «Мы из Едвабне».

Журналистка «Газеты Выборчей» провела серьезное журналистско-историческое исследование, обнаружила рассеянные по всему миру еврейские семьи выходцев из Едвабне и окрестностей и нашла также польских свидетелей случившегося. Книга дает возможность познакомиться с местным контекстом, отсутствие которого в книге Гросса так часто вменялось ему в вину участниками дискуссии. Одним из наиболее выразительных элементов этой книги является визуальная (в виде панорамы с высоты птичьего полета) реконструкция картины местечка Едвабне, как оно должно было выглядеть летом 1939-го.

В то же время сама дискуссия где-то во второй половине 2002 года хотя и не утасла полностью, но очевидно затихла. Что изменила эта дискуссия в Польше? Наряду с надеждами на то, что она облегчит полякам «примирение» с их историей, появились другие голоса, свидетельствующие о том, что ее результатом стало упрочение антисемитских позиций в польском обществе.

Вероятно, если говорить об обществе в целом, то, по крайней мере, в краткосрочной перспективе позиции не изменились. В своем эмоциональном эссе-рецензии на книгу Анны Биконт «Мы из Едвабне» Ежи Едлицкий с горечью отметил, что Биконт «наблюдает, как многие ее собеседники прибегают к самоза-

щите, чтобы оградить свои чувства от фактов, даже тех, которые происходили на их глазах. Удивительно и крайне печально видеть, к каким средствам мы способны прибегнуть, дабы отринуть мнения, подкрепленные вескими доказательствами, если их признание грозит разрушить систему унаследованных нами устойчивых убеждений и вызвать у нас интеллектуальный или моральный дискомфорт»⁴⁸.

Такая самозащита действует не только в случае с собеседниками Анны Биконт, а популярные спекуляции на тему стереотипной, расхожей версии романтической традиции, на наш взгляд, не только не ослабевают, но даже усиливаются. Стереотип польскости «свил кокон» вокруг дела Едвабне подобно тому, как это произошло с другими потенциально опасными для этого стереотипа дискуссиями и историческими фактами. Надежды одних и опасения других относительно того, что традиционный стереотип поляка разрушится или подвергнется трансформациям, не оправдались. В настоящее время преступление в Едвабне едва ли открыто отрицают; скорее вокруг него воцарилась тишина, нарушаемая, однако, отдельными событиями. Лучшим примером этой тишины может служить официальный интернет-сайт местечка Едвабне, где евреи упоминаются исключительно в контексте их коллаборационизма с советскими властями и преследованиями поляков в 1939–1941 годах. Проблемы убийства 10 июля 1941 года не существует (за одним исключением: читатель, заинтересованный в посещении местечка, может ознакомиться с описанием памятных мест Едвабне, откуда узнает о существовании памятника в честь «убийства евреев 10 июля 1941 года». Больше — ничего). Публикация следующей книги Гросса под названием «Страх» (по-английски вышла в 2006 году, в польском переводе — в 2008-м) вызвала дискуссию, возродившую проблемы, связанные с «Соседями», хоть и в меньшем масштабе.

Следует, однако, обратить внимание на одну деталь. Многие оппоненты Гросса, и не только самые крайние, представляли дискуссию как столкновение «польского» и «еврейского» восприятия Второй мировой войны. Гросс выступал при таком подходе представителем еврейской «стороны». Возможно, подобные линии раздела в определенной (небольшой) степени и существовали в международной дискуссии на эту тему, которая началась после публикации английского перевода «Соседей» в 2001 году и в которой

Прикарпатье, жители которой убили 18 евреев в 1942 году; на обложке были помещены слова «Гневчина как Едвабне»⁴⁹. Пьеса Тадеуша Слободзянека «Наш класс» по мотивам «Соседей» Гросса и «Мы из Едвабне» Анны Биконт стала обладателем литературной премии *Nike* в 2010 году и объектом множества рецензий, в которых отразились различные позиции, изложенные выше.

Кажется, на рубеже 2010 и 2011 годов дискуссия вновь обостряется. В прессе появились анонсы новой книги Гросса, на

“Полярные позиции основаны на мировоззренческих принципах, поэтому они едва ли могут измениться под влиянием исторических исследований”.

можно было бы, наверное, выделить тексты, авторы которых ощущали себя выразителями той или иной «национальной» точки зрения на историю. Что же касается дебатов внутри Польши, то такая интерпретация лишена оснований. Столкнулись не «польское» и «еврейское» видение истории, а две польские позиции. В польской исторической мысли существует прочная традиция критического взгляда на национальную историю, начиная с историка эпохи Просвещения Адама Нарутовича в конце XVIII века, затем Юзефа Шуйского, Михала Бобжиньского и других исследователей так называемой «краковской исторической школы» во второй половине XIX века, вплоть до разнообразных дискуссий в XX веке, в частности, о смысле национальных восстаний. Книга Гросса (не знаю, сознательно ли) вписывается в эту традицию, и, если рассматривать ее в таком историко-культурном контексте, вся дискуссия вокруг «Соседей» является интегральной частью споров о польской истории, продолжающихся в течение нескольких веков.

В декабре 2010 года еженедельник «Политика» написал о деревне Гневчина в

этот раз написанной совместно с Иреной Грудзиньской-Гросс и названной «Золотая жатва». В ней рассказывается об участии польского населения в конце войны и сразу после нее в разграблении еврейского имущества. Как обычно, различные публичные персонажи начали высказываться об этой книге до того, как ее прочитали. Краковское католическое издательство «Знак» обвиняли в издании книги, которая якобы очерняет Польшу и поляков.

Первую рецензию, основанную на чтении полной версии книги, написал историк Павел Махцевич⁵⁰, который 11 лет назад позитивно оценивал публикацию «Соседей», признавая, что, несмотря на эмоциональный тон и неточности в деталях, книга выполнила важную задачу разрушения табу на обсуждение участия поляков в убийстве евреев. Теперь же, полагает Махцевич, когда это табу уже разрушено, такие книги, как «Золотая жатва», своими необоснованными обобщениями и неаккуратностью в деталях только возбуждают эмоции, ничего не объясняя и не помогая в борьбе с антисемитскими предрассудками в польском обществе.

В феврале 2011 года были опубликованы и две книги польских исследователей на схожие темы — о трагической судьбе евреев, пытавшихся укрыться от Холокоста в польской деревне. Эти работы — результат многолетних детальных исследований, и, в определенном смысле, они выиграла от внимания СМИ к книге Гросса. Весьма вероятно, что иначе они остались бы незамеченными. Книга Барбары Энгелькинд пытается дать общую картину происшедшего, а книга Яна Грабовского посвящена событиям в конкретной местности⁵¹. Эти книги рисуют картину широкого участия польских крестьян в вылавливании и истреблении укрывавшихся в деревнях евреев⁵².

В этой новой дискуссии можно отметить определенный мотив, которого не было при обсуждении «Соседей», но который стал проявляться в реакциях на книгу «Страх» 2008 года. Предметом обсуждения теперь стали польско-еврейские отношения в целом, и даже более широко — вопрос о поведении людей в экстремальных ситуациях⁵³. Но решительные противники этого направления исследований, разумеется, остались при своем мнении и по-прежнему видят в книгах Гросса и других авторов антипольскую пропаганду.

Поляризация, проявившаяся в ходе дискуссии десятилетней давности, продолжается. И сегодня одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и вместе с тем моральным долгом, другие же убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа. Названные позиции основаны на мировоззренческих принципах, а не на знаниях, полученных эмпирическим путем, и потому не стоит думать, что они могут измениться под влиянием тех или иных исторических исследований. Будущее покажет, сохранится ли в долгосрочной перспективе эта двойственность или одна из сторон — и какая — получит преимущество.

Post Scriptum

Я постарался изложить по существу ход дискуссии на тему Едвабне так, чтобы польский читатель получил представление о ее проблематике. Очевидно, что в этом вопросе трудно сохранить нейтральную позицию. Поэтому я чувствую себя обязанным представить свое собственное мнение по этому вопросу не потому, что считаю его особенно оригинальным или ценным — я не являюсь исследователем Второй мировой войны, — но желая быть честным перед читателем, так чтобы он мог самостоятельно оценить, повлияли ли, и если да, то насколько, мои взгляды на способ изложения позиций участников дискуссии. Итак, я считаю, что Ян Томаш Гросс, при всех отдельных неточностях в его работе, прав в принципиальном вопросе: не подлежит сомнению, что убийство в Едвабне было совершено поляками. В то же время мне кажется, что Гросс слишком легко отмахивается от всех тех участников спора, которые говорят о необходимости рассмотреть исторический контекст, более детально изучить польско-еврейские отношения как в межвоенный период, так и во время советской оккупации 1939–1941 годов. По моему убеждению, польский антисемитизм 1930-х годов (с очень важной ролью католического Костела как одного из главных его пропагандистов) и реальное или мнимое сотрудничество евреев с советскими властями оказали большее влияние на поведение польских жителей местечка Едвабне 10 июля 1941-го, чем это допускает Гросс. Для меня убедительно звучат рассуждения Дариуша Столи, что роль немцев в массовом убийстве в Едвабне была более значительной, чем считает Гросс, — без этого возникновение самой идеи и организации преступления представляется невозможным; меня также убеждает гипотеза Столи относительно роли «государства Едвабне» — локального эфемерного центра власти, обладающего монополией на

насилие. Вместе с тем, однако, я считаю, что нельзя недооценивать естественную человеческую склонность к жестокости, которая в военных условиях разрывает сдерживающие ее оковы цивилизации, религии, морали и уважения к обеспечивающей порядок государственной власти.

Уже после написания этой статьи (а не 11 лет назад, когда я был свидетелем спора о книге «Соседи») я стал задумываться над тем, можно ли вообще сводить смысл книг Гросса к критике польского антисемитизма. Ни в одной из книг Гросса не содержится утверждение, что поляки больше антисемиты, чем кто-либо другой. В XX веке люди разных национальностей в разных ситуациях убивали своих соседей, принадлежащих к другой этнической группе. Возможно, эти книги следует рассматривать не только как проявление критического отношения к польской истории (о чем шла речь выше), но также — а быть может, прежде всего? — как философ-

скую рефлексию над отравлением всей европейской культуры антисемитизмом, или даже еще шире — над порочностью и человеческой природы и присущем ей спонтанном стремлении к жестокости.

Мне кажется, моральная рефлексия в случае Едвабне совершенно необходима, хотя я не уверен, в каком направлении она должна идти. Думается, что публикация книги Гросса и вызванная ею дискуссия стали в итоге положительным явлением и в долгосрочной перспективе будут способствовать лучшему пониманию драматической истории Польши в ходе последней войны. Я абсолютно убежден, что ошибаются все те, кто считает, что установление истины каким-то образом порочит Польшу. Совершенно наоборот, как справедливо написал во введении к книге Анны Биконт Яцек Куронь: не факт убийства, совершенного много лет назад, а «сокрытие убийц и отрицание правды наносят удар по доброму имени Польши»⁵⁴. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Gross J. T. Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny: Pogranicze, 2000. Wyd. II (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/ksiazka.pdf>; дата посещения сайта 9 декабря 2010 года).*

² «Тыгодник Повшехны» (*Tygodnik Powszechny*) — католическое издание, сыгравшее важную роль в деле борьбы с антиеврейскими настроениями в Польше.

³ *Cichy M. Polacy — Żydzi. Czarne karty powstania // Gazeta Wyborcza. 1994. Jan. 29 (http://www.zydziwpolisce.edu.pl/biblioteka/czytelnia/h_rw/001.pdf; дата посещения сайта 8 декабря 2010 года).*

⁴ *Europa nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej / red. K. Jasiewicz. Warszawa, 2000.*

⁵ *Kaczyński A. Całopalenie // Rzeczpospolita. 2000. Maj 5 (интернет-версия: <http://www.niniwa2.sba.pl/cal.o.htm>; дата посещения сайта 8 декабря 2010 года).*

⁶ Jedwabne, 10 lipca 1941 — zbrodnia i pamięć (дискуссия в редакции газеты «Речпосполита» с участием Я.Т. Гросса, Т. Стжембоша, А. Жбиковского, П. Махцевича, Р. Игнатьева) // *Gross J. T. Wokół Sąsiadów: Polemiki i wyjaśnienia. Sejny: Pogranicze, 2003. P. 61.*

⁷ Ср.: *Szarota T. Mord w Jedwabnem: Dokumenty, publikacje i interpretacje z lat 1941—2000. Kalendarium // Wokół Jedwabnego / red. P. Machcewicz, K. Persak. T. I—II. Warszawa: IPN, 2002. T. I. «Studia». P. 461—488. — Сопоставление событий и высказываний по поводу убийства в Едвабне до момента публикации книги Гросса.*

⁸ *Forecki P. Spór o Jedwabne. Analiza debaty publicznej. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza, 2008. — Является наиболее значимой книгой, которая содержит ценные факты и информацию, но написана она с иных позиций, чем настоящая статья, поскольку направлена скорее на анализ дискурса, чем на историю идеи. Ср. также: *The Neighbors respond. The Controversy over the**

Jedwabne Massacre in Poland / ed. by A. Polonsky, J. B. Michlic (Princeton: Princeton Univ. Press, 2004) с анализом дискуссии в предисловии издателей; *Paczkowski A.* Debata wokół „Sąsiadów”. Próba wstępnej typologii // *Rzeczpospolita*. 2001. Mar. 24. No 73 (интернет-версия: http://www.rzeczpospolita.pl/dodatki/plus_minus_010324/plus_minus_a_9; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года; перечисляются типы позиций по отношению к книге Гросса: принимающая, открыто оборонительная, скрыто оборонительная и отвергающая).

⁹ *Gross J. T.* Mord «zrozumiwały»? // *Gazeta Wyborcza*. 2000. Nov. 25–26; переиздано в его же: *Wokół Sąsiadów...* P. 18.

¹⁰ *Sulek A.* «Sąsiedzi». Zwykła recenzja // *Więź*. 2001. No 12 (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/wiez/12.html>; дата посещения сайта 4 декабря 2010 года).

¹¹ *Gross J. T.* Antoniemu Sułkowi w odpowiedzi // *Więź*. 2002. Apr.; переиздано в его же: *Wokół Sąsiadów...* P. 104.

¹² *Milewski J. J.* Polacy i Żydzi w Jedwabnem i okolicy przed 22 czerwca 1941 roku // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 75. Ср. также: *Wierzbicki M.* Stosunki polsko-żydowskie na Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 129–158.

¹³ Цитируются также в: *Bikont A.* *My z Jedwabnego*. Warszawa, 2004. P. 113.

¹⁴ *Strzemboś T.* Szubienica i huśtawka // *Gazeta Polska*. 2001. Jan. 17 (беседа Т. Стжембоша с Эльжбетой Исакевич; интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/strzembo.html>; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года).

¹⁵ *Sąsiedzi...* P. 59.

¹⁶ *Żbikowski A.* Pogromy i mordy ludności żydowskiej w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku w świetle relacji ocalałych Żydów i dokumentów sądowych // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 159–272; *Idem.* U genezy Jedwabnego. Żydzi na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej wrzesień 1939–lipiec 1941. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2006. P. 219–220, etc.

¹⁷ *Szarota T.* Mord w Jedwabnem. Udział ludności miejscowej w Holokaucie // *Idem.* *Karuzela na placu Krasińskich. Studia i szkice z lat wojny i okupacji*. Warszawa: Rytm, 2007. P. 175.

¹⁸ *Stola D.* Pomnik ze słów. Cz. I-II // *Rzeczpospolita*. No 127. 2001. Jun. 1. P. A9; No 128. 2001. Jun 2–3. P. A6.

¹⁹ *Szarota T.* U progu zagłady. Zajścia antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie. Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. Warszawa, 2000 (книга Шароты, опубликованная одновременно с «Соседями» Гросса, не затрагивает проблемы Едвабне, но в то же время содержит крайне ценный сравнительный материал); *Dmitrów E.* Oddziały operacyjne niemieckiej Policji Bezpieczeństwa i Służby Bezpieczeństwa a początek zagłady Żydów w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 273–352; *Żbikowski A.* U genezy... P. 167–211.

²⁰ *Sąsiedzi...* P. 101.

²¹ *Gontarczyk P.* Po pierwsze warsztat // *Życie*. 2001. Jun. 29 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_87.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 года).

²² *Wokół «Sąsiadów»...* P. 114–115.

²³ Ср. *Urynowicz M.* Ludność żydowska w Jedwabnem. Zmiany demograficzne od końca XIX wieku do 1941 roku na tle regionu łomżyńskiego // *Wokół Jedwabnego...* T. I. P. 129–158.

²⁴ *Bikont A.* *My z Jedwabnego...* P. 334–335.

²⁵ *Wierzbicki M.* Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żyдowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką (1939–1941). Warszawa: Fronda, 2007. Wyd. II. P. 275.

²⁶ *Ibid.* P. 290.

²⁷ *Gross J. T.* Wstęp // *Idem.* *Wokół «Sąsiadów»...* P. 5.

²⁸ *Musiał B.* *Historiografia mityczna* // *Rzeczpospolita*. 2001. Feb. 24 (интернет-версия: http://niniwa2.cba.pl/historiografia_mityczna.htm; дата посещения сайта 21 декабря 2010 года).

²⁹ *Chodakiewicz M. J.* Kłopoty z kuracją szokową // *Rzeczpospolita* (интернет-версия: http://new-arch.rp.pl/artukul/317680_z_kuracja_szokowa.html; http://naszawitryna.pl/jedwabne_312.html; дата посещения сайтов 22 декабря 2010 года).

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Gontarczyk P.* Gross kontra fakty // *Życie*. 2001. Jan. 31 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_253.html; дата посещения сайта 21 декабря 2010 года). Аналогичны по стилю выдержанные в подобном «поучительном» тоне выводы в рецензии Богдана Мусяля: *Musiał B.* *Tezy dotyczące pogromu w Jedwabnem. Uwagi krytyczne do książki “Sąsiedzi” autorstwa Jana Tomasza Grossa* // *Dzieje Najnowsze*. 2001. No 3. P. 252–280.

³² Gross klamie — nie mogłem milczeć. Z prof. dr hab. Tomaszem Strzemboszem rozmawiają: Paweł Smogorzewski i Eugeniusz Zdanowicz // Powściągliwość i Praca. 2001. No 12. Dec. (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_659.html; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года).

³³ *Finkelstein N.* The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering. Verso, 2000.

³⁴ *Radio Maryja* — ультраправая католическая радиостанция, курируемая членами монашеского религиозного ордена редemptористов (Конгрегации Святейшего Искупителя).

³⁵ *Jedlicki J.* Jak się z tym uporać // *Polityka*. 2001. Oct. 2. No 6.

³⁶ *Żakowski J.* Diabelskie szczegóły (интервью с Томашем Шаротой) // *Gazeta Wyborcza*. 2000. Nov. 18–19 (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/szavzak.html>; дата посещения сайта 17 декабря 2010 года).

³⁷ Высказывания Едлицкого в ходе дискуссии не были опубликованы. Цит. по: *Bikont A.* My z Jedwabnego... 3. 21.

³⁸ *Świda-Ziemia H.* Krótkowzroczność “kulturalnych” // *Gazeta Wyborcza*. 2001. Apr. 7 (интернет-версия: <http://polish-jewish-heritage.org/pol/krotko.htm>; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года).

³⁹ *Jedlicki J.* Op. cit.

⁴⁰ *Chodakiewicz M. J.* The Massacre in Jedwabne July 10, 1941. Before, During and After. Boulder Colorado, 2005. P. 154–155.

⁴¹ *Musiał B.* Historiografia mityczna...

⁴² *Machcewicz P.* Wokół Jedwabnego // *Wokół Jedwabnego...* T. I. P. 16–17.

⁴³ *Libionka D.* Duchowieństwo archidiecezji łomżyńskiej wobec antysemityzmu i zagłady Żydów // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 105–128.

⁴⁴ *Szarota T.* “Sprawozdanie kościelne z Polski za czerwiec i połowę lipca 1941go roku”. Próba analizy dokumentu // *Idem*. *Karuzela...* P. 198–216.

⁴⁵ Интервью польского примааса, кс. кардинала Юзефа Глемпа Католическому информационному агентству // *Nasz Dziennik*. 2001. May 15

(интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_377.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 года).

⁴⁶ *Ks. Adam Boniecki.* Oto rozległ się głos... // *Tygodnik Powszechny*. 2001. No 22; переиздано в: *Żydownik powszechny. Dodatek do Tygodnika Powszechnego na 65 lecie pisma* / red. P. Mucharski, M. Ochoński. Kraków, 2010. P. 26. (Это приложение представляет собой антологию текстов из «Тыждник Повшехны», посвященных еврейской проблематике за период 1946–2009 годов.)

⁴⁷ Ср.: *Celebracja klamstwa*. *Ks. Edward Orłowski* — proboszcz parafii Jedwabne, 12.12.2002 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_889.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 года).

⁴⁸ *Jedlicki J.* Podróż do jądra ciemności // *Zeszyty Literackie*. 2005. No 1 (интернет-версия: <http://czytelnia.onet.pl/0,33811,1,5840,recenzje.html>; дата посещения сайта 4 декабря 2010 года).

⁴⁹ *Lazarewicz C.* Letnisko w domu śmierci // *Polityka*. No 49 (2785). 2010. Dec. 4. P. 32–35.

⁵⁰ *Machcewicz P.* recenzja ostatecznej wersji «Złoty Żniw»: historia zaangażowana // *Gazeta Wyborcza*. 2011. Feb. 14 (интернет-версия: <http://wyborcza.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 года).

⁵¹ *Engelking B.* Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 2011; *Grabowski J.* Judenjagd. Polowanie na Żydów 1942–1945. Studium dziejów pewnego powiatu. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 2011.

⁵² См.: “Strach przed niedzielą”. Koniec z mitem bohaterskiej polskiej wsi (интервью Войцеха Тохмана с Барбарой Энгелькинд и Яном Грабовским на Радио *TOK FM*) (текст см. на сайте <http://www.tokfm.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 года).

⁵³ *Leociak J., Libionka D.* Sny o Bezgrzesznej // *Tygodnik Powszechny*. 2011. Jan. 11 (<http://tygodnik.onet.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 года).

⁵⁴ *Bikont A.* My z Jedwabnego... P. 15.